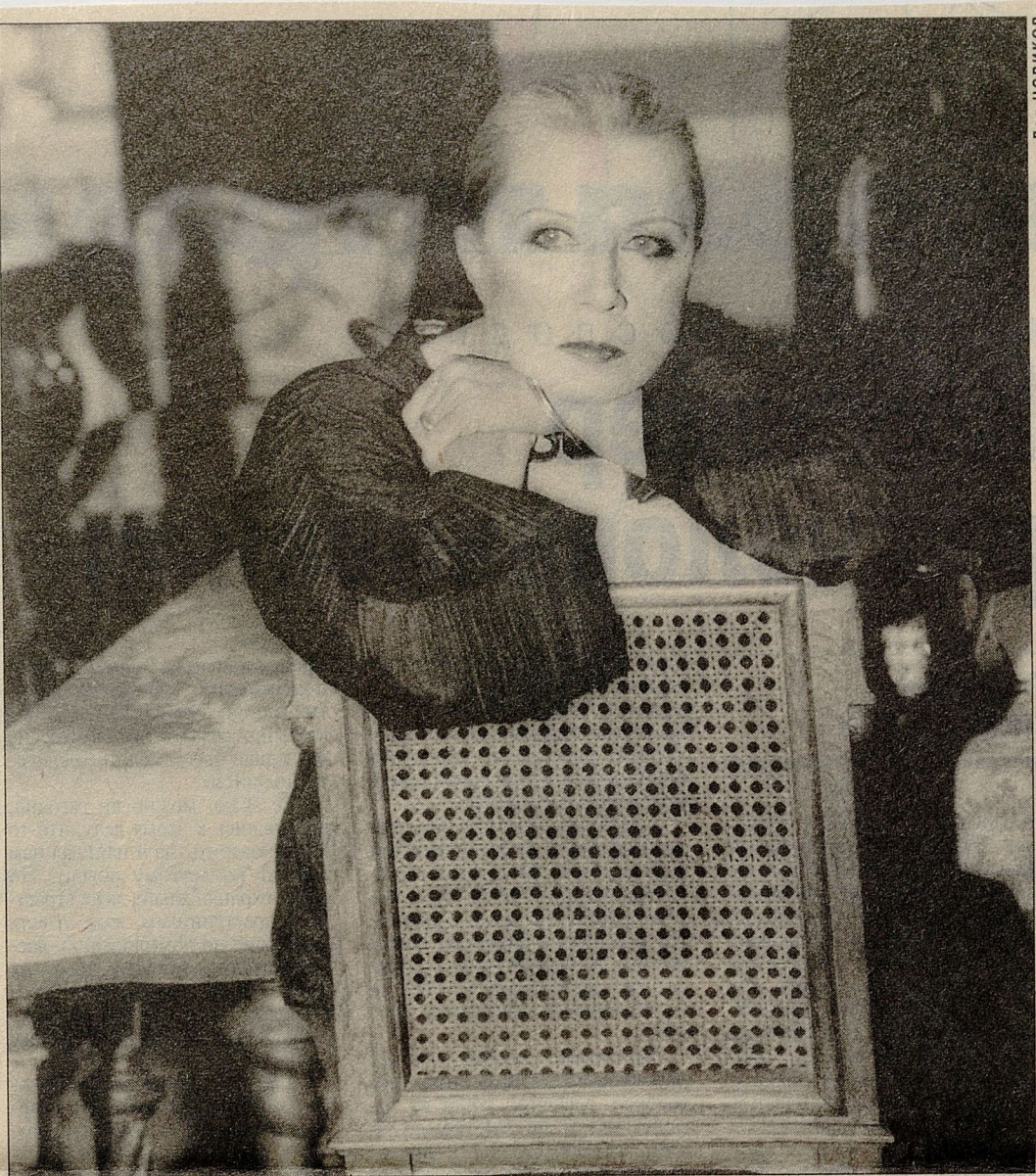

«Всех повесить, а Ахматову заточить...»

Общая газета,
- 2000. - 23-29
нояб. - с. 10

25 ноября Алла Демидова прочтет
«Поэму без героя» в третий — и последний раз

НЕУДИВИТЕЛЬНО, что никто и никогда не исполнил «Поэму без героя» со сцены... Когда в июне 1941-го Ахматова прочитала Цветаевой отрывки из начатой поэмы, та восприняла их как попытку реанимировать истребленную к тому времени эстетику мирикусничества.

Непонимание и раздражение, которое вызвала поэма у многих современников, Ахматова впоследствии (поэма писалась с 40-го по 62-й год) сделала одним из ее сюжетов: «Мой редактор был недоволен... И к чему нам сегодня эти / Рассуждения о поэте / И каких-то призраков рой?». Отзывы о «Поэме без героя» она, как известно, коллекционировала. И сама признавала: «Тем же, кто не знает некоторые «петербургские обстоятельства», поэма будет непонятна и неинтересна».

...Неудивительно также, что через десять лет после ахматовского «Реквиема» (за который до нее тоже никто не брался) Алла Демидова рискнула читать «Поэму без героя» в сопровождении музыкантов театра «Новая опера».

Похоже, в «петербургских обстоятельствах» актриса ориентируется лучше, чем в обстоятельствах собственной жизни. В ее чтении чувствуется тончайшее знание истоков каждой строчки, оттого «призраков рой» становится стройной толпой, неясный поэтический гул обретает звучание Реквиема по всему Серебряному веку — затянувшегося и пустившему неистребимые корни во всем веке XX. Эти корни очень сильны в самой Демидовой.

Она впускает в свою душу петербургские фантомы 10-х годов, бережущие сознание Ахматовой, присваивает нелегкие перипетии ее биографии и в то же время бесстрашно распаивается, словно пытаясь избавиться от фантомов собственных. Эффект поразителен — образы и временные пласты множатся, как отражения в знаменитом зеркальном зале Фонтанного дома.

Многозначность заключена уже в самом облике актрисы. Ее золо-

тая переливающаяся накидка то кажется пряной эстетской причудой, а то вдруг напоминает холщовое рубище из тех, что носят «там, за проволокой колючей». И вдруг за просто ловишь себя на мысли, что Ахматова старше, голос у нее глуше и платье более простого покроя, чем у Демидовой. Да вот же она или это... образ осязаемо двоится.

Музыкальное сопровождение колобовского оркестра удивительно тактично. Оно то придает поэме характер давних лирических воспоминаний, то стужает трагизм, то становится прямой иллюстрацией текста (в поэме упоминаются Бах, Шопен, Шостакович, Стравинский, etc.). Демидова, кажется, никогда на сцене не певшая, обладает невероятной музыкальной чуткостью. Она словно танцует голосом. Танцует так же изящно, как поводит руками, едва намекая на пляс героини поэмы.

Голос, увидев за музыкой, изменив, как мирикуснический узор. Но помимо мастерства мелодекламации Демидова обладает еще одним, редким (если не сказать — отсутствующим) у актеров качеством — умением черпать энергию из самого стиха, одухотворяться от ритма. Этот пульсирующий ритм, трагическое дыхание поэмы в ее исполнении завораживает больше, чем слово.

Когда-то, увидев Аллу Демидову в роли Гертруды в знаменитом таганском «Гамлете», Вадим Гаевский написал: «Театр Демидовой — красивый и необманивающий маскарад. Игра Демидовой всегда немного показ...» В «Поэме без героя» актрисе удается дойти до таких глубин Серебряного века, присвоить их и каким-то чудом сделать глубинами собственной личности, что становится ясно: игра эта давно уже ведется «до полной гибели всерьез». Многолетнее обращение к поэзии Серебряного века сделало свое дело: его образы стали ее плотью и кровью.

«Но негоже то терпеть, что терпела я...» — голос Демидовой достигает скорбного накала. Это о ком? Об Ахматовой, обреченной советской действительностью на

многолетние «торжества гражданской смерти». Но тут же вспоминается и сегодняшняя судьба актрисы. Ахматова была бесприютна житейски и оттого вынужденно странствовала между Москвой, Ленинградом и Комаровом. Демидова, по собственной воле покинувшая «Таганку» и оказавшаяся в мировом театральном пространстве, стала бесприютная творчески.

«Это я — твоя старая совесть — / Разыскала сожженную повесть / И на край подоконника / В доме покойника / Положила / И на цыпочках ушла...» — голос Демидовой трепещет от откровения. Она ускользает от микрофона и оказывается в кресле так же сновидчески легко, как описывает Пушкин явление призрака графини Германну. «...Опустивши глаза сухие / И ломая руки, Россия / Предо мною шла на восток» — Демидова и эти строчки произносит предельно лично. Эпилог в ее исполнении становится примером высокой гражданственности (в досоветском смысле слова). Осторожно отмеренные жесты. Аскетичные интонации. Скорбная, аскетичная Магия.

После этого чтения вспоминается строчка из ахматовского «Шиповника»: «Ты не знаешь, что тебе простили...» «Поэма без героя» окончена почти сорок лет назад, и ее никогда не исполнили со сцены. Теперь Реквием прозвучал, оплаканы все. Подозреваю, что за это публичное чтение нашему времени тоже что-то простят.

Такие мысли возникали после первого (январь) и второго (апрель) вечера. Что будет думаться на этот раз?

Первоначально «Поэма без героя» называлась «Триптих» — в ней три части. В «Пиковой даме», которую Алла Демидова тоже намерена читать в сопровождении оркестра «Новой оперы», речь, как известно, идет о трех картах. Может быть, поэтому приверженная магии чисел актриса твердо решила прочесть «Поэму без героя» только три раза.

Алла ШЕНДЕРОВА